

а таксама намагацца выкарыстоўваць разнастайныя інтэрактыўныя заданні на розных этапах вывучэння твора для актывізацыі пазнаваўчай дзейнасці вучняў, каб гэтае знаёмства было для іх цікавым, карысным і займальным.

Літаратура

1 Вучэбная праграма па вучэбным прадмеце «Беларуская літаратура» для VI класа ўстаноў адукацыі, якія рэалізуюць адукацыйныя праграмы агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання і выхавання. – URL: <https://adu.by/ru/homeru/obrazovatelnyj-protsess-2023-2024-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-v-xi-klassy/belaruskaya-litaratura.html> (дата звароту: 22.04.2025).

УДК 811.161.1'373.2:769.82:355

В. А. Кравченко

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *КОЗЁЛ ОТПУЩЕНИЯ* В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается устойчивое словосочетание «козел отпущения» с точки зрения его визуализации. Описываются изображения, отражающие формирование внутренней формы данного фразеологизма, а также процесс приобретения свободным словосочетанием статуса семантически неделимого оборота. В отдельный тип выделены интернет-картинки юмористического содержания, основанные на обыгрывании переносного значения компонента-зоонима.

Фразеологизм *козёл отпущения* (искупления) ‘о человеке, на которого сваливают ответственность за ошибки, проступки, грехи других (часто – невиновном в них)’, широко употребляется в современном русском языке. Происхождение данной фразеологической единицы связано с особым древнееврейским обрядом возложения грехов всего народа на козла. Для искупления греха приносили в жертву двух козлов, один из которых умерщвлялся «в жертву за грех», а со вторым козлом проводился особый ритуал: «В день грехоотпущения первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа, после чего козел отсылался в пустыню, “чтобы он понес на себе все их беззакония в землю непроходимую”» [1, с. 313–314].

Книжный по своему происхождению фразеологизм *козёл отпущения* регулярно используется в современной публицистической и разговорной речи. Достаточно активно это экспрессивное устойчивое словосочетание визуализируется и в современном интернет-пространстве, что обусловлено, с одной стороны, его выразительной антропоориентированной негативно-оценочной семантикой (сравн.: *белая ворона*, *волк в овечьей шкуре* и т. п.), а с другой – наличием в его составе слова-компонента *козел*, реализующего в разговорной речи сниженное значение ‘о человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью’ [2, с. 437].

Интернет-иллюстрации, визуализирующие фразему *козёл отпущения*, условно могут быть разделены на несколько групп.

Первую группу составляют рисунки, в которых наглядно отображается история происхождения фразеологизма. Так, в центре рисунка 1 воспроизведён обряд древних евреев, проводимый в день искупления. Возложенные на голову козла руки символизируют «передачу» грехов народа козлу. Если данный рисунок статичен, то рисунок 2

отличается динамичностью: он наглядно отражает сам процесс изгнания козла в пустыню как завершающую часть обряда. Сравн.: *изгнать* 'насиловать удалить откуда-либо; выгнать' [2, с. 379]. На обоих рисунках представлено большое количество людей, принимавших участие в обряде.

Рисунок 1 – Возложение рук на голову козла отпущения

Рисунок 2 – Изгнание козла отпущения

На рисунке 3, имеющем ироничный характер, в образной форме представлен «результат» описанного выше обряда. Трагическая судьба изгнанного в пустыню козла, его обреченность (хотя козла отпускали, но выжить в пустыне он не мог) подчеркивается выразительной «мимикой» животного, несущего на себе «грехи всего народа».

Рисунок 3 – Козел отпущения в пустыне

Ко второй группе мы отнесли иллюстрации, утратившие связь с древнееврейским обрядом и отражающие в силу этого начальную стадию фразеологизации, то есть образного переосмысления свободного словосочетания *козел отпущения*. Так, на рисунке 4 изображён козел со множеством стрел в теле, которые символизируют греховные проступки людей. Мрачный фон рисунка усиливается представлением о стрелах как устойчивом символе смерти. Рисунок 5, как и рассмотренный рисунок 3, имеет иронично-насмешливый характер: на козла как на «виновника» грехов людей направлены шесть указательных пальцев, и это вызывает у козла гримасу удивления, о чем свидетельствуют широко открытые глаза животного.

Самую многочисленную группу составляют иллюстрации юмористического характера, в которых рассматриваемый фразеологизм «в чистом виде» отсутствует, но он легко «восстанавливается», поскольку в таких картинках присутствуют соответствующие жесты или изображаются определенные ситуации.

Рисунок 4 – Козел отпущения – носитель человеческих грехов

Рисунок 5 – Козел отпущения – виновник проступков людей

Значительное количество юмористических иллюстраций подчёркивают ситуацию отношений начальника (руководителя) и подчинённого. Так, на рисунке 6 в гротескной форме представлена тема превосходства самодовольного и наглого начальника над подчинённым, который, находясь в позе унылой покорности, выполняет роль *козла отпущения*. Юмористический эффект данного рисунка усиливается жестом начальника, который, как и древнееврейский первосвященник, возлагает руку на голову подчиненного, «перекладывая» на него собственные проступки. В более агрессивной, жесткой форме представлена идея перенесения чужих грехов и ошибок на безвинное животное на рисунке 7.

Рисунок 6 – Начальник находит козла отпущения

Рисунок 7 – Козел отпущения – невинная жертва

Совершенно иные ситуации представлены на рисунках 8 и 9, где *козел отпущения* выступает не в роли объекта, а в качестве субъекта. Во-первых, как уже отмечалось, компонент *козёл* может в данном случае «вычлениваться» из состава фразеологизма и употребляться как самостоятельная негативно-оценочная номинация в сочетании со словоформой *отпущения*. Глагол *отпустить* – производящая база слова *отпущение* – имеет несколько значений, в том числе – ‘позволить кому-либо уйти или уехать; отправиться куда-либо’ [2, с. 758], в данном случае – с работы’. То есть *козел отпущения* здесь – негативно-оценочная характеристика начальника, который может отпустить кого-либо с работы, то есть позволить уйти раньше времени (рисунок 8).

Рисунок 8 – Козёл отпущения – начальник, отпускающий людей

Рисунок 9 – Козёл отпущения – бюрократ, отпускающий грехи

Рисунок 9 в более «наглядной» форме представляет некоего «козла отпущения» – сидящего за столом бюрократа, который, как можно предположить, отпускает, то есть прощает людям их грехи. Сравн.: *отпустить* ‘простить грех, вину в соответствии с христианским обрядом, обычаем’ [2, с. 758]. Саркастический характер рисунка усиливается «козлиными» атрибутами зооморфного персонажа – рогами и копытом на правой руке, а также надписями, подчеркивающими регламентирующий характер действий бюрократа: «Часы работы: с 9-00 до 18-00» и «Отпускаю не более трех в одни руки».

Особый интерес представляют иллюстрации, в которых смеховой эффект достигается благодаря «игре слов». Рисунок 10 юмористически обыгрывает фразеологизмы *забить козла* (‘сыграть в домино’) и *козёл отпущения*. На рисунке изображены три волка и сидящий между ними с обреченным видом козёл, которому неизбежно придётся стать «козлом отпущения», то есть быть съеденным хищниками просто потому, что он – их обычная жертва. Используемый здесь же фразеологизм *забить козелка* может быть понят и как свободное, нефразеологическое словосочетание в значении ‘убить’.

На рисунке 11 лев (царь зверей) фактически «назначает виновного» – козла – за то, в чем он, естественно, не виноват – за негативно оцениваемый птичий базар, то есть массовое скопление морских птиц, сопровождающееся их громкими криками. В данном случае происходит контаминация двух устойчивых словосочетаний: разговорного *птичий базар* ‘шум, гул’ и жаргонного *ответить за базар* ‘понести ответственность за сказанное’. В результате возникает смеховой эффект, поскольку виновным за поведение птиц (и за чей-то базар ‘разговор’) назначают козла, становящегося *козлом отпущения*.

Рисунок 10 – Козёл – жертва волков

Рисунок 11 – Лев возлагает на козла ответственность за базар

Приведенный материал свидетельствует о значительном «визуальном потенциале» фразеологизма *козел отпущения*, имеющего библейское происхождение. Высокая экспрессивность данного устойчивого словосочетания, связанная с древнееврейским очистительным обрядом, а также наличие в это составе стилистически сниженного именного слова-компонента и употребление полисемантического глагольного компонента способствуют активной и разнообразной визуализации фраземы, что приводит к ее полной десакрализации.

Литература

1 Бирих, А. К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

2 Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.

УДК 811.161.1'42:821.161.1-32*И.С.Шмелев

Я. В. Кривошеева

ПАСХАЛЬНЫЕ ГЛАВЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗАХ И. С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

Предметом исследования в данной статье является поэтика глав «Пасха» и «Розговины» из части «Праздники» повествования в рассказах И. С. Шмелёва «Лето Господне». Раскрывается глубокая укоренённость художественно-религиозного сознания автора произведения в национальной православной пасхальной традиции. В поэтике названных выше глав выявляются ведущие признаки жанра пасхального рассказа: тема духовного преображения и очищения, комплекс религиозных атрибутов, связанных с обычаями и ритуалами Пасхи, ярко выраженный нравственно-воспитательный аспект идейно-художественного содержания. Устанавливается, что главы «Пасха» и «Розговины» представляют собой произведения жанровой традиции пасхального рассказа в русской прозе.

Пасхальная традиция – значимый компонент художественного мира автобиографического произведения Ивана Сергеевича Шмелёва «Лето Господне», позволяющий глубже понять духовную атмосферу жизни православных христиан в России конца XIX в. Пасхальная тематика раскрывается писателем в главах «Пасха» и «Розговины» («Праздники»), а также в главе «На Святой» («Праздники – радости») через множество символов и событий, подчёркивающих значение этого самого большого и наиболее чтимого христианского праздника. Цель статьи – выявление особенностей поэтики пасхальных глав из первой части «Лета Господня» И. С. Шмелёва «Праздники».

Указанные выше главы, которые наряду с другими главами первой части могут быть рассмотрены как самостоятельные в идейно-художественном плане произведения, в совокупности образуют повествование в рассказах, построенное в соответствии с церковным православным календарём. «Книга сложилась из рассказов И. С. Шмелёва его маленькому племяннику» [1, с. 378], – замечает исследователь поэтики жанра пасхального рассказа Т. Н. Козина.

В поэтике пасхальных глав части «Праздники» «Лета Господня» прослеживается ряд структурно-семантических признаков жанра пасхального рассказа, к которому обращались А. П. Чехов («На страстной неделе»), Л. Н. Андреев («Баргамот и Гараська»),